

*Все имена, названия и события вымышлены, любые
совпадения с реальными людьми и событиями
случайны.*

В истории человечества, прошлой, настоящей
и будущей, великая революция — та, которую
совершают люди, решившие быть свободными.

Джон Ф. Кеннеди

*Моим детям, которым я желаю
всегда жить в свободном мире*

Окрестина, Минск, Беларусь, утро пятницы
Дарья ждет в клетушке по соседству с комнатой для свиданий вот уже три часа. Двенадцать квадратных метров, свет с улицы едва просачивается сквозь зарешеченное оконце. На скамье могут разместиться три человека. Впрочем, слово «скамья» звучит слишком гордо для плоского металлического сиденья со спинкой. Дарья здесь одна, свидания — редкость, администрация почти никогда их не разрешает. Но сегодня — особый случай, Дарья должна встретиться с Николаем, чтобы его близкие получили подтверждение, что он жив и здоров. Такие пятиминутные свидания происходят раз в три месяца. Они — следствие невероятной истории, случившейся два года назад.

Николай — причина этой истории.

Весной 2020 года в стране, бразды правления которой двадцать семь лет кряду железной рукой удерживал один человек, победу на выборах одержала молодая домохозяйка без опыта и политических амбиций. Когда первые избирательные участки сообщили, что на большинстве бюллетеней отмечено ее имя, к ней домой устремился милицейский отряд.

Мужчины в форме вломились в квартиру с оружием в руках. Светлана встала перед детьми, заслоняя обоих собой. Сопровождавший омоновцев тайный агент выделялся среди них черной одеждой и шляпой. За выпуклыми стеклами круглых очков в тонкой золотой оправе зрачки его голубых глаз казались ненормально большими. Он прошелся по гостинной двухкомнатной квартиры и остановился перед фотографиями в рамках, украшавшими икеевский стеллаж. Дорогие Светлане и Николаю кадры для него были удручающе банальны. На одном — пятилетний сын, на другом — дочь, на третьем — все семейство во время летнего отпуска; где снято — сказать невозможно. Оставив их, он небрежно полистал пару книг с полок и тут же вернул их на место, не найдя в этой беллетристике ничего крамольного. Жутковато улыбнувшись, предложил Светлане присесть на диван, а сам без приглашения устроился в вельветовом кресле напротив. Супруги переглянулись. Николай перехватил детей и прижал их к себе;

омоновцы никак не отреагировали. Светлана повиновалась.

— Вот как вы обращаетесь с вашим новым президентом? — дерзко спросила она.

Улыбка агента исказилась. Он бросил взгляд на детей.

— Как народ может доверить свою судьбу неопытной домохозяйке, учитывая нынешний расклад, экономический кризис, вызванный действиями Запада, и вмешательство соседей, которые жаждут нашего поражения, чтобы завладеть нашими богатствами?

— Какими богатствами? Народ, на который вы ссылаетесь, пашет с утра до вечера, чтобы заработать себе на еду и одежду, — парировала Светлана.

— Не перебивайте! У нас мало времени, ситуация вот-вот выйдет из-под контроля, а мои люди терпением не блещут. На чем я остановился?.. Ах да, так вот, по всей очевидности, на этих выборах вы проиграли.

— Ваше появление свидетельствует об обратном, — возразил Николай.

Агент проигнорировал его.

— Если вы и правда любите свою страну, вы точно не хотите, чтобы по вашей вине в ней начались беспорядки, — продолжал он цинично. — Хотя, если уж говорить о вине, вы и так виновны, что прискорбно. К счастью для вас, наш президент великодушен. По-моему, он даже питает к вам некоторое уважение, но это

лишь мое скромное мнение. Вы провели прекрасную кампанию для человека вашего положения, да к тому же еще и женщины. Хорошо развлеклись, вот и отлично. — Он цокнул языком. — Время от времени развлекаться — дело полезное, иначе жизнь была бы слишком скучна. Но с этим покончено. Наш президент столь щедр — и это делает ему честь, — что поручил мне передать вам предложение, от которого вы просто не сможете отказаться, настолько оно для вас выгодно. Разумеется, если вы не глупы, в чем я сомневаюсь. Вы публично признаете свое поражение и соберете вещи. Можете взять все, что нужно вашим ангелочкам, ну и пару книг, если пожелаете. Ночью мы сопроводим вас к границе с Литвой. Сюда вы не вернетесь никогда. Вы ведь выступали за свободу — можно подумать, мы тут не свободны, совершенно недопустимое предположение, — ну так будете счастливейшей в мире женщиной, ведь я дарю вам свободу оказаться подальше от нашей нации, которую вы столько критиковали.

— Вынужденный отъезд — это и есть ваше щедрое предложение?

— Да, и только для вас и ваших детей. А супруг ваш останется здесь, президенту необходима ваша лояльность за границей.

Условия сделки были ясны. Светлана и дети отправятся в ссылку, а Николай — в тюрьму, как гарант.

— Пока будете вести себя смирно, с вашим мужем будут хорошо обращаться. Не стану нагнетать, это временная мера, год-два, не больше. Когда сегодняшний день превратится в смутное воспоминание, при условии, что вы будете разумны, Николай сможет к вам присоединиться.

— А если я откажусь?

— Мои люди заберут вас вместе с мужем. Дети отправятся в приют, мы ведь не дикари. Но на Окрестина за вашу дальнейшую судьбу я отвечать не могу, я не получал на этот счет особых распоряжений. Решать вам.

Агент больше не улыбался. Когда он не смотрел Светлане в глаза, его взгляд не отрывался от начищенных до блеска ботинок.

Николай уговорил жену покориться. Два года тюрьмы ради спасения семьи — не так уж это и страшно.

Он крепко обнял детей, заверяя их, что скоро они снова увидятся, и заставил пообещать быть умницами и заботиться о маме. Они пообещали, глотая слезы. Старшей, которой почти исполнилось десять, он шепнул на ухо: «Когда-нибудь, маленькая, мы будем свободны, а они отправятся в тюрьму. Клянусь тебе!»

Светлану отвезли на границу с Литвой. Той ночью в ссылку отправились все, кто организовал кампанию в ее поддержку, и в их числе — Роман

и Софья, ключевые фигуры сопротивления. Все они встретятся в Вильнюсе. Все, кроме Николая.

Наконец дверь в комнату свиданий открывается. Надзиратель жестом разрешает Дарье войти. Николай сидит на стуле, он в наручниках, которые приковывают его к кольцу, припаянному к металлическому столу, отделяющему его от посетителей. Надзиратель стоит рядом, следя за тем, чтобы они ничего не передали друг другу, и слушает их разговор.

— Не так уж плохо выглядишь, — говорит Дарья.

— Лучше, чем обычно, сама знаешь почему.

Дарья знает. За две недели до ее приезда пайку увеличивают, а побои прекращают, чтобы она могла засвидетельствовать, что он здоров.

— Она скучает по тебе, рассказывает о тебе детям каждый вечер, они тоже очень соскучились, но в Вильнюсе им хорошо, а скоро будет еще лучше, — продолжает девушка.

— Это главное.

Пока надзиратель, уставившись в экран смартфона, увлеченно взрывает разноцветные шарики, Дарья незаметно наклоняется к Николаю.

— Ты же понял, что Светлана поручила мне тебе сообщить?

— Они увеличат срок, — откликается Николай. Его голос дрожит.

— На каких основаниях? — обеспокоенно спрашивает Дарья.

— Ты знаешь, как все устроено. Те, кто осмелился выступить против властей, получают один срок за другим, обвинители находятся. Организация мятежа, террористическая деятельность, шпионаж — воображение у них хорошее.

Надзиратель поднимает голову, сообщая Дарье, что время свидания истекло. Она повинуется без возражений. Но, когда она уже собирается выйти, Николай отваживается преступить запрет: он встает и целует ее в щеку.

— Предупреди Романа, что он в опасности, — шепчет он ей на ухо.

— Держись, — выдыхает она в ответ.

Надзиратель резко отталкивает Николая дубинкой, и тот опускает глаза и ссутуливается, будто бы смиряясь с судьбой. В последующие недели его пайку урежут, а количество ударов, которые ему придется терпеть, будет зависеть только от настроения тюремщиков.

Дарья идет назад по зловещему коридору. Решетки на ее пути открываются и тут же закрываются. На выходе из тюрьмы она забирает свои вещи. Сумочка, паспорт, ключи и мобильник, в котором нет ни одного сообщения, а список контактов пуст.

Оказавшись на улице, она закутывается в шарф: по Минску гуляет ледяной ветер. Делает несколько

шагов и оборачивается к серым бетонным стенам, которыми обнесены два офисных здания, превращенных в тюрьму, в зловещую цитадель, возвышающуюся в центре города. Дарья думает о Николае, который сейчас возвращается в камеру со скованными руками. Она не могла не отметить его худобу, бледность и упадок духа. Сдерживая слезы, она садится в машину.

По дороге на работу она позвонит Светлане и сделает вид, что все в порядке, чтобы ее успокоить. Ей удалось передать сообщение, и она надеется, что Николай понял, что имелось в виду. Вечером, когда Дарья вернется домой, она сразу же отправит Роману сообщение с защищенного смартфона, спрятанного в квартире.

Вечер, бюро по правам человека, Минск

Дарья слышит гудение пылесоса, заработавшего в соседнем помещении. Она выключает экран монитора. В офисе уже пусто. На часы можно не смотреть: уборщица соблюдает график лучше, чем поезда на вокзале Минск-Пассажирский. Подумав об этом, Дарья вспоминает о матери. Она не ездила к ней больше месяца. Слишком много работы: утром в редакции газеты «Наша нива», после обеда — в «Нехте», последнем свободном СМИ, а по вечерам — в бюро по правам человека. Титанический труд — с тех пор

как власти любой ценой пытаются избавиться от неправительственных организаций. Запрет на кредитование, который введут не сегодня завтра, налоговые проверки, обыски, конфискация техники...

Сотрудники скинулись, чтобы свести потери к минимуму, и наняли парнишку-дилера, который теперь дежурит для них на улице. Он неплохо подрабатывает, ничего не продавая, а только высматривая машины милиции без опознавательных знаков. Выгодное соглашение для обеих сторон! Если он свистит дважды, в офисе начинается хорошо отработанное представление. Три человека сдвигают автомат с напитками и поднимают доски пола, пряча под ними ноутбуки, отчеты, секретные документы и противоударные смартфоны с анонимными сим-картами. Как только все вещи оказываются в этом тайнике, автомат передвигают на место. Сотрудники бегом возвращаются на свои места и принимаются работать с блокнотами и ручками как ни в чем не бывало. Милиционеры конфискуют блокноты — ручки их не интересуют, тем более что они самые простые, пластиковые. Они переворачивают все вверх дном, чтобы попугать, показать, что власть у них, да и просто чтобы поразвлечься. Швыряют бумаги на пол, пинают копировальный аппарат — старую неубиваемую «коникку». В бюро по правам человека ее окрестили самиздатом — за стойкость.

Дарья стоит у окна, в воздухе кружатся снежные хлопья. Раз снова пошел снег, значит, на улице немного потеплело, замок машины не замерзнет. Зимой она постоянно этого боится. Мужчины могут помочиться на заледеневший металл, а женщины нагревают замок зажигалкой. Глядя на парковку у здания, Дарья нажимает на иконку вызова и загадывает, что муж ответит до четвертого гудка.

Дарья извинится, что опять засиделась до поздна. Спросит, как дочь. Поужинала ли? Как у нее дела в саду? Дарья знает, что услышит в ответ. Михаил — примерный отец. Он тоже много работает, но всегда все успевает. Забрать дочь из сада, позаниматься с ней, поиграть, сходить в магазин, наполнить ванну... И как только он умудряется? Загадка. Но она все равно задаст эти вопросы, чтобы показать свою любовь к нему. Заботясь о других, она вынуждена пренебрегать близкими. И отсутствие упреков только усугубляет гложущее чувство вины.

Когда останутся позади пробки и холод, царящий в старой «школе» (на обратном пути Дарья позволит себе выкурить сигарету, а то и две, если пробки будут особенно ужасны, — с открытым окном, чтобы салон не пропах), когда она найдет свободную парковку в их большом спальном районе, когда поднимется на шестой этаж пешком, потому что лифт, как обычно, не работает, Михаил встретит ее в дверях и обнимет с неизменной неж-

ностью. Стол уже будет накрыт, на конфорке электрической плиты будет готовиться ужин. Дарья снимет пальто, пойдет в детскую, поцелует дочь, устроится в изножье кровати и будет читать ей до тех пор, пока глазки не закроются. Еще один поцелуй в лоб, тихое «люблю» на ушко — и дверь бесшумно затворится.

Михаил отвечает на четвертом гудке.

— Постараюсь приехать как можно быстрее, — говорит она.

— Не переживай, у нас сегодня было много дел. У тебя все нормально?

От этого «у нас» у Дарьи колет сердце.

— Да, и будет еще лучше, когда окажусь рядом с тобой.

— Не гони, на дорогах лед.

— Ну да, и, боюсь, это еще надолго, — улыбается она.

— И все-таки будь осторожна. Мы тебя ждем.

Сердце снова колет. Дарья выключает свет, убирает документы в любимую сумочку из серо-бежевой кожи. Подарок Михаила на шестую годовщину свадьбы.

Под бледными лампами холла Дарья в последний раз за день заматывает вокруг шеи шарф. Михаил часто говорит ей, что у нее самый сексуальный затылок в мире. Большинство мужчин возбуждаются при виде груди, бедер или попы, но только не он; конечно, он утверждает, что ее грудь и попу он тоже любит, но, когда его поцелуи

ласкают затылок, Дарья знает, что он ее хочет. Она не жалуется, вовсе нет: ей нравятся их объятия, то, как они занимаются любовью, минуты, которые принадлежат только им двоим, минуты, когда заживают все раны, забывается коррупция, подлость и несправедливость, с которыми она неустанно борется. Это чудесно, она его любит, хоть его спокойствие порой и выводит ее из себя.

Дверь машины беззвучно открывается. Двигатель урчит, коробка передач тихонько щелкает. Дарья сворачивает на Новосущевскую, опускает стекло и закуривает. С наступлением ночи очнулся мороз. Город, кажется, не засыпает никогда, даже на темных улицах, где попадаются только бродячие кошки да одинокие прохожие. Она выезжает на шоссе; вдали поток машин замедляется, на мосту пробки с тех пор, как левую полосу перекрыли из-за ремонта. «Шкода» ползет еле-еле, Дарья глубоко затягивается. У сигареты вкус карамели. В выходные она свозит дочку к бабушке. Дом, где Дарья выросла, все такой же скромный, но уютный. Пока Михаил будет работать, они втроем прогуляются по лесу, поиграют в снежки, а вечером будут упоенно петь у камина. Дарья поворачивается, чтобы выбросить окурок. Водитель соседней машины вежливо ей улыбается. Ему, должно быть, тоже хочется поскорее вернуться домой, как и всем, кто сейчас стоит в пробке после долгого рабочего дня. Наконец машины трогаются, Дарья пытается включить